

D. TUDOR. Istoria sclavajului in Dacia Rōmana, București, ed. Academiei RPR., 1957, 310 стр.

Книга Д. Тудора «История рабства в римской Дакии» посвящена одной из важнейших и вместе с тем мало разработанных проблем античности — истории рабства в Римской империи. Буржуазная историография, как известно, главное внимание об-

рашала на вопросы классического рабства, рабства в самой Италии, изучение же института рабства в отдельных провинциях империи и в том числе в Дакии отсутствовало. Между тем именно исследование конкретных форм социально-экономического развития отдельных районов римского мира дает нам возможность составить представление о характере рабовладельческих отношений в империи вообще. В этом отношении исследование Д. Тудора, и ранее неоднократно обращавшегося к истории рабства в Дакии, представляет огромный интерес для историка античности, тем больший, что подобной работы нет ни о какой другой римской провинции.

Основной документальной базой рецензируемой монографии является 152 эпиграфических текста на камнях и навощенных дощечках, открытых на территории Римской Дакии в течение последних столетий. Автор привлек также для своей работы обширный круг других источников, позволивших ему, что особенно важно, осветить вопрос в историко-сравнительном плане.

В вводной главе книги Д. Тудор показывает, что отношения рабовладения в Дакии возникли еще задолго до римского завоевания, хотя рабство здесь до конца сохранило в основном домашний, патриархальный характер. Труд рабов находил применение в хозяйствах дакийских царей и знати, храмов, при строительстве укреплений и т. д. Важным источником рабства служили межплеменные войны. В римской Дакии наибольшее развитие рабство получило в центральных и западных районах, более развитых в экономическом отношении вследствие сосредоточения здесь городов, золотых и серебряных приисков. Однако почти всюду наряду с рабским трудом применялся труд свободных и колонов. Автор считает, что сравнительно более благоприятное положение рабов в Дакии привлекало сюда рабов из других провинций Римской империи. Такие рабы — ремесленники, строители, писцы и т. д., убегающие от своих господ, поступали на службу к дакийской знати, эксплуатировались последней в хозяйстве, участвовали в возведении городских сооружений и т. д. (стр. 20—25). Д. Тудор основывается на свидетельстве Диона Кассия о римских ветеранах, находивших приют у Децебала и использовавшихся им для организации своего войска. Поскольку договор, заключенный между императором Траяном и Децебалом в результате первой войны 101—102 гг., предусматривал выдачу римлянам всех римских дезертиров и беглецов и неприятие их в будущем (стр. 38), то это, как считает автор, является свидетельством тех больших размеров, которые приняло бегство в Дакию всех угнетенных Римом.

Д. Тудор отмечает захватнический, грабительский характер второй войны (105—106 гг.), которая, как известно, закончилась завоеванием Дакии Римом. Д. Тудор приводит в этом случае весьма красноречивое свидетельство Петрония: «Если узнавали о существовании... земель, изобилующих золотом, то объявляли, что там обитает враг, начинали готовиться к кровопролитной войне и захвату новых богатств» (стр. 38). Римляне жестоко расправились с мирным дакийским населением. Многие даки были угнаны в рабство в Италию, а также в римские провинции, и на их месте были поселены римские колонисты. Это вовсе не означает, однако, указывает автор, что местное население было полностью истреблено или изгнано из Дакии, как это утверждают некоторые буржуазные авторы. Последние опираются обычно на сообщение византийского хрониста VI в. Иоанна Лидийского, который сообщает, что римляне захватили в рабство 500 000 даков (стр. 45). Д. Тудор, считая эту цифру сильно преувеличенной, с полным основанием предлагает уменьшить ее по меньшей мере в 10 раз. Нельзя ведь забывать, что римские рабовладельцы никогда не были заинтересованы в полном истреблении или угоне завоеванного населения, так как сами нуждались в рабочей силе для организации рабовладельческого хозяйства на месте. Наконец, не было никакого смысла выселять из Дакии те племена, которые еще в ходе военных действий отложились от Децебала и перешли на сторону Рима (стр. 52—56).

Вторая глава книги посвящена анализу эпиграфических текстов. Из 152 упомянутых документов, как установил автор, 142, без всякого сомнения, касаются рабов и вольноотпущенников. Всего на территории Дакии найдено до сих пор 2000 надписей. Следует учитывать, что трудящиеся категории населения, и прежде всего рабы, лишь в редких случаях могли оставить после себя памятники, поэтому такое число надписей, связанных с рабами, следует признать довольно значительным. К рабам могут быть отнесены, несомненно, и другие эпиграфические памятники Дакии, но установить это с полной достоверностью чрезвычайно трудно потому, что рабы всячески избегали сообщать в надписях о своем униженном социальном положении. К интересным выводам приводит автора анализ территориального распределения найденных надписей. Южная Дакия (Олтения — район преимущественно земледельческий) дала всего 14, в то время как Северная Дакия (Банат и Трансильвания — районы золотых и серебряных рудников, с довольно развитой городской жизнью) — 136 надписей (стр. 27). Большинство надписей найдено вблизи больших городов Дакии — Сармисгетузы, Апуды, Амбела, Пороллеса и т. д., т. е. в западном, наиболее развитом районе провинции (стр. 29). Таким образом, в пределах одной провинции мы видим неодинаковое распространение рабовладельческих отношений. Автор акцентирует внимание на пяти

надписях, представляющих значительную ценность сообщаемыми сведениями о работорговле и ценах на рабов.

Разбирая имена рабов в Дакии с целью установления их этнической принадлежности, Д. Тудор указывает, что большинство рабов носило римские, а затем греческие имена. Римские имена носили главным образом государственные рабы, греческие — частновладельческие. Автор указывает, однако, что, как правило, имена не могут быть несомненным свидетельством этникона рабов (стр. 82).

Д. Тудор рассматривает также вопрос о браках среди рабов и вольноотпущенников. Известно, что рабы не могли официально вступать в брак. Тем не менее у отдельных разбогатевших рабов, преимущественно у государственных, были свои семьи. В 7 из 23 известных случаев жены рабов принадлежали к сословию свободных. По мнению автора, женщины-свободные при вступлении в брак с рабами исходили из материальных соображений, так как рабы иногда занимали видные места в администрации провинции. Конечно, громадное большинство рабов было лишено возможности иметь семью (стр. 83—87).

Основной слой рабовладельцев Дакии состоял из римских колонистов и представителей старой дакийской аристократии. Крупнейшим рабовладельцем был сам римский император. Автор указывает, что власть императора над государственными рабами часто была лишь номинальной. Государственные рабы, подчиненные местной администрации, занимали хотя и невысокие, но доходные должности — таможенных чиновников, сборщиков податей, писцов и т. п. К крупным рабовладельцам Дакии следует отнести также арендаторов золотых и серебряных рудников (*conductores*), банкиров (*argentarii*), землевладельцев и, наконец, отдельные города. Д. Тудор отмечает и для Дакии такие случаи, когда богатые рабы, в свою очередь, имели рабов (*servi vicarii*). Автор упоминает три таких случая, рабовладельцами *de facto* выступали богатые рабы-чиновники, близко стоявшие по своему имущественному положению к господствующему классу (стр. 101—106, 107—120).

Д. Тудор подверг детальному рассмотрению вопрос о применении рабского труда на золотых и других рудниках Дакии. Автор показал, что в рудниках наряду с рабским находил применение также наемный труд свободных горнорабочих. Условия труда последних также были тяжелыми. Д. Тудор приводит контракт о найме, заключенный арендатором золотого рудника с работником по имени Меммий. За 5 месяцев и 24 дня работы, с 20 мая по 13 ноября 164 г. н. э. арендатор обязывался заплатить Меммию 70 денариев, кроме питания, что составляло 2,25 сестерция в день (стр. 136). Подобные случаи найма были далеко не единичными. «Во II веке — замечает Д. Тудор, — во всей Римской империи наблюдается рост числа наемных свободных работников по сравнению с рабами» (стр. 137). По мнению автора, это следует объяснить прежде всего истощением прежних источников рабства, в результате чего цены на рабов значительно повысились, а эксплуатация их в рудниках при дешевизне свободного труда стала невыгодной (стр. 139).

Рабский труд применялся и в сельском хозяйстве Дакии, ставшей после завоевания житницей Римской империи. Об этом позволяют судить, в частности, недавно обнаруженные у с. Хобица остатки рабовладельческой латифундии, просуществовавшей с 139 по 222 г. и уничтоженной, вероятно, пожаром. Двор этого имения (157 м × 68 м) был обнесен высокими стенами с бастеоном. Во дворе были расположены господский дом, службы и тюрьма для рабов (стр. 140—150). Есть все основания полагать, что подобных латифундий было немало. Однако, замечает автор, и в сельском хозяйстве наряду с рабским стал применяться дешевый наемный труд, что является свидетельством начавшегося кризиса рабовладельческого общества. Характеризуя особенности аграрных отношений в Дакии изучаемого времени, Д. Тудор говорит: «Высокие цены на рабов обуславливали то, что мелкие и средние землевладельцы не могли приобрести их. Поэтому труд рабов не стал господствующим в сельском хозяйстве Дакии и был в значительной мере заменен трудом наемных работников или колоннов» (стр. 150).

О том, насколько возросли ко II веку цены на рабов, можно судить на основании следующих примеров, приводимых автором. Шестилетняя рабыня Пассия была продана в 139 г. за 205 денариев, 10—15-летний раб Апалауст в 142 г. за 600, а 20—30-летняя рабыня Теудота в 160 г. за 420 денариев. Для сравнения достаточно сказать, что в это время ягненок стоил 3,6, поросенок 5, а литр простого вина 1,85 денария (стр. 169—171). Хотя ремесло, города, горное дело и сельское хозяйство Дакии предъявляли значительный спрос на рабочую силу, число рабов, вследствие их дороговизны, никогда не превышало четверти общего количества населения края (стр. 159).

Далее автор останавливается на вопросе об освобождении рабов. Обычно освобождение происходило после смерти господина на основании его завещания. Это обстоятельство порождало различные злоупотребления со стороны наследников, стремившихся всячески удержать рабов. Став вольноотпущенником, освобожденный раб не порывал полностью своей зависимости от господина, который становился теперь для него патроном. Вольноотпущенник обязан был сохранять верность патрону, уважение и благодарность, оказывать хозяйственные услуги, помогать деньгами

и т. д. В случае нарушения этих обязанностей вольноотпущенник мог быть вновь превращен в раба. Вольноотпущенники не пользовались политическими правами. Однако новое положение открывало им доступ к административному аппарату и возможность самостоятельного ведения хозяйства. Число вольноотпущенников в Дакии непрерывно возрастало, достигнув особенно крупных размеров в III в. (стр. 177—186).

Ономастика вольноотпущенников близка к рабской. Среди их имен автор установил 43 римских имени, 41 греческое и 3 других. Большинство вольноотпущенников стремилось скрыть свое социальное положение, присваивая себе *tria nomina* (стр. 187—201) и давая своим детям звучные римские имена (стр. 207). Семьи у вольноотпущенников встречались гораздо чаще, чем у рабов, и это вполне понятно. «Семейная жизнь, — замечает Д. Тудор, — была довольно развитой и прочной среди вольноотпущенников Дакии. О тепле домашнего очага эти люди мечтали ведь еще во времена своего рабства, когда за ними не признавали права иметь семью» (стр. 207). Распространенными были браки между рабовладельцами и вольноотпущенниками, их бывшими рабынями. В период Антонинов многие сыновья вольноотпущенников были приняты в сословие свободных (стр. 202).

Согласно эпиграфическим текстам, патронами вольноотпущенников в Дакии выступают: император в 25 случаях, отдельные рабовладельцы в 48, города в двух и храмы в одном случае (стр. 208). Среди патронов были военачальники, чиновники, землевладельцы, арендаторы, банкиры, купцы (стр. 210). Вольноотпущенники стремились порвать всякую зависимость от патронов, и нас в этом случае, как предупреждает автор, не должны ввести в заблуждение многочисленные надгробные памятники, жертвенники и даже храмы, воздвигаемые вольноотпущенниками якобы в честь патронов. Часто последние, движимые честолюбием, воздвигали эти сооружения на свой собственный счет, но от имени благодарных вольноотпущенников (стр. 212).

Вольноотпущенникам принадлежала довольно заметная роль в экономике Дакии. Некоторые из них занимали руководящие посты в администрации провинции и, в свою очередь, эксплуатировали и угнетали своих бывших собратьев по неволе. Два вольноотпущенника были даже удостоены *ornamenta decurionalia* (стр. 221—224). Большинство же вольноотпущенников сохраняло и после освобождения свои прежние занятия (стр. 220—221).

Бесправные в политическом отношении, вольноотпущенники составляли в ряде провинциальных муниципий и колоний слой населения, оказывавший влияние не только на экономическую, но и на политическую жизнь. Уступкой этим богатым элементам со стороны класса рабовладельцев явилось создание в муниципиях нового института *августалов*, ведавшего отправлением культа Августа. Эта привилегированная сословная группа объединяла теперь свободных людей и разбогатевших вольноотпущенников (стр. 225—226). В столице Дакии — Сармисегетузе был открыт внушительный по своим размерам дворец *августалов* (*aedes Augustalium*), единственный памятник такого рода, открытый на территории Римской империи. Построенный в середине II в., дворец имел 85 м в длину и 65 м в ширину. Его мощные стены были украшены скульптурными изображениями и художественной росписью. Дворец имел несколько залов для собраний, комнаты для хранения казны и т. д. Найдены остатки статуй, жертвенников и мемориальных досок в честь императора и других лиц. Дворец имел систему центрального отопления и водопровод (стр. 227—228). Богатые вольноотпущенники стремились любой ценой проникнуть в сословие *августалов*, в ряды городской аристократии и тем самым отгородиться от своих менее состоятельных собратьев (стр. 229).

Наконец, автор касается религиозных представлений рабов и вольноотпущенников. Среди почитаемых ими культов встречаются как римские, так и восточные. Последнее обстоятельство, по мнению автора, может указывать на восточное происхождение части рабов и вольноотпущенников. Довольно широко среди рабов Дакии был распространен культ Митры (стр. 241—277). Таково в основном содержание книги Д. Тудора, наблюдения и выводы которого представляют большой интерес для всякого, занимающегося историей рабовладельческого общества. Вместе с тем мы хотели бы указать на спорность некоторых положений автора. Прежде всего, вряд ли возможно из простого факта деления дакийского общества на знать и простой народ заключить, что труд рабов принял значительные размеры еще в доримской Дакии. Вполне возможно допустить, что большие оборонительные сооружения даков на юго-западе страны могли быть построены трудом крестьян-общинников. Далее, если предполагать большое распространение рабства в доримский период, то как тогда объяснить сокращение масштабов его применения в римской Дакии, когда рабовладельческие отношения оказались привнесенными, так сказать, дополнительно, вследствие включения Дакии в сферу римского рабовладельческого мира.

Д. Тудор прав, указывая, что высокие цены на рабов в Дакии ограничивали применение труда рабов в частных хозяйствах. Но вряд ли только по этой причине труд рабов был заменен трудом наемных свободных рабочих (стр. 139). По-видимому, здесь следует учитывать и крайнюю невыгодность рабского труда, его малую эффективность по сравнению с трудом свободных, ставшие особенно заметными в период II—III вв. н. э., когда рабовладение вступило в полосу кризиса.

Главное внимание автор уделяет государственным рабам, которые пользовались рядом привилегий и положение которых было отличным от положения частновладельческих рабов. По-видимому, это объясняется состоянием эпиграфических данных. По этой же причине, вероятно, отсутствует в книге и раздел о классовой борьбе рабов.

Давая характеристику коллегий рабов главным образом как культурных организаций, содействовавших также выкупу рабов на волю и т. д., по-видимому, следовало учитывать и то, что коллегии, являясь все же организацией рабов, могут рассматриваться как признание рабовладельцами некоторых их прав, завосванных рабами, несомненно, в ходе длительной и упорной борьбы (стр. 155). Д. Тудор утверждает, что «Окраинные провинции империи (среди них и Дакия)... знали более активную работорговлю, чем внутренние» (стр. 172). Но в работе убедительно показано, что всюду на окраинах Римского государства, и в Дакии также, рабовладение было развито неизмеримо слабее, чем в центре, а цены на рабов в Дакии были весьма высоки. Достаточно сказать, что тут не было естественного атрибута работорговли — невольничьих рынков.

Автор присоединяется к мнению Диона Кассия, что реформа Каракаллы, облегчившая доступ вольноотпущенникам в сословие римских граждан, имела своей целью увеличение числа налогоплательщиков (стр. 185). Нам кажется, что главной целью реформы было стремление усилить класс рабовладельцев за счет богатых вольноотпущенников, что являлось признаком начавшегося разложения рабовладельческого общества.

При попытке объяснить наличие в стоической философии I—II вв. н. э. сильного течения, требовавшего признания за рабами и вольноотпущенниками человеческого достоинства (стр. 178), автор абстрагируется от социальных мотивов этого явления. Следует сказать, что оно также объясняется начавшимся разложением рабовладельческой системы.

Можно указать и на другие, менее заметные недостатки. Автор, например, заявляет, что «мелкий землевладелец работал бок о бок со своими рабами» (стр. 100). Эта неточная формулировка может породить ошибочное представление о действительных отношениях, существовавших между рабами и рабовладельцами. Неправильным, на наш взгляд, является утверждение, будто города на окраинах Римской империи имели «полуаграрный характер» (стр. 99). Некоторым преувеличением нужно считать вывод, будто для содержания так называемых городских рабов, сравнительно небольшие муниципии тратили «значительные суммы» (стр. 98). По мнению автора, римский солдат Клавдий Юлий, купивший в 160 году рабыню за 420 денариев, накопил эту сумму из солдатского жалованья (стр. 97). Нам кажется, что эти деньги выручены от военной добычи или попросту результат грабежа, тем более, что и сам автор называет этого солдата мелким работорговцем. Автор говорит о долголетию вольноотпущенников и объясняет это их сравнительным материальным благосостоянием. Между тем средний возраст вольноотпущенников, как видно из приводимых им примеров, равнялся 45—50, а максимальный 66 годам (стр. 207).

В работе встречаются неудачные в стилистическом отношении выражения. Автор, например, говорит о «бандах воров» (стр. 165), хотя, как видно из контекста, речь идет о рабах, выступавших против своих угнетателей. Неудачным является выражение, что рабы, занимавшие административные должности, обогащались «нечестным путем» (стр. 105). Из слов автора можно сделать вывод, будто жестокости римлян во время завоевания Дакии были вызваны упорным сопротивлением местного населения (стр. 39, 51). Наконец, в работе имеются дословные повторения (стр. 39—44, 44—46, 51—52).

Указанные недостатки ни в какой мере не могут снизить общей высокой оценки рецензируемой книги. Труд Д. Тудора, несомненно, является значительным вкладом в историографию античности. Большую ценность представляют также приложенные к книге эпиграфические тексты с авторскими комментариями. Учитывая тесные связи восточного славянства с античным миром и интерес советской общественности к истории рабства, нам кажется целесообразным издать книгу Д. Тудора на русском языке.